Людмила Ромащенко

Николай Гоголь в культурном контексте эпохи : на материале повести А. Полторацкого "В Петербурге"

Studia Rossica Posnaniensia 36, 239-247

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

MUZEUM HISTORII POLSKI

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA, vol. XXXVI: 2011, pp. 239-247. ISBN 978-83-232-2300-9. ISSN 0081-6884.
Adam Mickiewicz University Press, Poznań

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. ПОЛТОРАЦКОГО *В ПЕТЕРБУРГЕ*)

NIKOLAI GOGOL IN THE CULTURAL CONTEXT OF THE EPOCH (ON THE NOVEL *IN PETERSBURG* BY A. POLTORATSKY)

ЛЮДМИЛА РОМАЩЕНКО

ABSTRACT. In the article based on the story *In Petersburg* by Alexei Poltoratsky, N. Gogol's personality in the cultural context of Russian empire capital is considered. Special attention is paid to creative relations of N. Gogol with prominent cultural personalities of that time: Pushkin, Jukovsky, Delvig, Maximowich and others. Except that the author reconsiders some stereotypes of appraisals touching these historical persons.

Людмила Ромащенко, Черкасский национальный университет, Черкассы – Украина.

В творческой судьбе Н. Гоголя очевидным является синтез украинско--российских элементов. Именно этот фактор, а также место Гоголя в отечественной и мировой культуре обусловили интерес украинских писателей к его незаурядному таланту.

Среди историко-биографических произведений, посвященных автору *Ревизора*, находится и цикл повестей А. Полторацкого, в частности повесть *В Петербурге*, вошедшая в книгу *Повесть о Гоголе*. Однако последние произведения остались вне поля зрения критики. А между тем, картина литературного процесса будет неполной без определения в нем места (возможно, и не очень почетного) писателей непервостепенных, противоречивых, в частности и одиозных. Поэтому мы и обратились к повести Полторацкого.

Имя Алексея Полторацкого (1905–1977) – писателя и журналиста, автора романов, повестей, очерков, публицистических статей – в настоящее время забыто, а если о нем и вспоминают, то лишь в негативном контексте, в первую очередь из-за того, что его считают одним из первых представителей вульгарно-социологической методологии в отечественном литературоведении. Полторацкого упрекают за выпады против украинской политической эмиграции, инкриминируют „апологию русификации и репрессий против защитников украинской культуры"[1], что вполне понятно в новых идеологических условиях Украины.

[1] *Енциклопедія Українознавства*, гол. ред. В. Кубійович, Львів 1996, с. 2214.

Дилогия *Повесть о Гоголе* (1984) состоит из 2 книг (*В Петербурге*, *Дальние странствия*) и является продолжением повестей о детских и юношеских годах писателя – *Детство Гоголя* (1954), *Юность Гоголя* (1957). Над дилогией Полторацкий работал на протяжении длительного времени – 1 кн.: 1936–1957, 2 кн.: 1964–1971 годы.

Как видно уже из названия, важное место в сюжете первой части занимает рассказ о петербуржском периоде жизни Гоголя, литературно-художественном окружении тогдашней столицы империи и месте в нем молодого писателя, его труд над *Ганцом Кюхельгартеном*, *Вечерами на хуторе близ Диканьки*, пьесой *Ревизор*.

Сын мелкого помещика Николай Васильевич прибыл в Петербург с высокой и благородной целью – дать всем „понять, что несет в сердце и душе еще не открытые никому сокровища – стремление к благу и добру, ненависть к несправедливости"[2]. Подобные порывы раскрываются во внутренних размышлениях начинающего писателя и его героя Ганца Кюхельгартена из одноименной поэмы (интертекстуальными вставками из нее, как и из других произведений Гоголя, пестрит повесть).

Сначала Гоголь показан достаточно замкнутым одиночкой, несмело ищущим дорогу к столичным литературным салонам, что вполне оправдывает гимназическое прозвище „Таинственный Карла". Но впоследствии он уверенно завязывает дружеские отношения с известными культурными деятелями своего времени.

Художественный бомонд – чрезвычайно разнообразный: литераторы, критики, издатели, актеры. Павел Петрович Свиньин – редактор и издатель „Отечественных записок", к тому же статский советник, дипломат, географ, историк, путешественник, поэт, художник и коллекционер в одном лице. Он первый, с кем познакомился Гоголь в Петербурге. Однако А. Полторацкий (взяв в сообщники Пушкина) иронизирует над непоследовательностью его многочисленных увлечений и любовью к невероятным выдумкам: „Павлуша не мог сказать трех слов, чтобы не солгать" (с. 72). Свиньину принадлежала роль первого издателя прозаических произведений Гоголя, в частности *Вечера накануне Ивана Купала*, но своим бесцеремонным редакторским вмешательством он до неузнаваемости изменил Гоголевское произведение, придав тому „нестерпимой фальши" (с. 76). Такое редакторское своеволие возмутило молодого автора:

> Показалось Гоголю – не действительный статский советник, а новый Басаврюк, со щетинистыми бровями и диким голосом, стоит перед ним и предлагает ему продать душу за мешки червонцев (с. 77).

---

[2] О. Полторацький, *Повість про Гоголя*: *У Петербурзі*; *Дальні мандри*, Київ 1984, с. 9. Далее все цитаты даются по этому изданию с указанием в скобках номеров страниц. Здесь и далее перевод с украинского – наш.

Недостойный поступок Свиньина (ему вполне импонирует фамилия!) подтолкнул Гоголя к сотрудничеству с альманахом „Северные цветы", редактируемым бароном Дельвигом. Невзирая на внешнюю инертность, добродушный Антон Антонович всячески поддерживал писателей, умел ловко обойти цензурные рогатки – именно он проложил дорогу Гоголю к престижным знакомствам и столичным литературным салонам.

Настоящим добродетелем, „вселенским ангелом-хранителем" (с. 84), по словам Дельвига, в романе выступает Василий Андреевич Жуковский, жизненное кредо которого – забота о других. Как шутил Пушкин, в его „широкой персоне не найдется желчи, чтобы муху убить" (с. 86). Даже несчастливая любовь и смерть любимой Маши Мойер не только не озлобили его, а, напротив, углубили в нем желание делать добро другим. Выразительность свойствам натуры (доброта, проницательный ум) придает и портрет персонажа:

Он был в длинном персидском халате, с феской на голове, в мягких стоптанных тапочках. Гоголь сразу узнал его расплывчатое лицо, редкие, белокурые волосы, зачесанные на лысину. Глаза быстрые – чудесные, глубокие черные глаза человека Востока, наследство матери – пленницы-турчанки (с. 86).

Или в другом месте:

Василий Андреевич... бежал в ванную мягким шагом, переваливаясь из стороны в сторону (с. 87).

Эпитет „мягкий" подчеркивает добродушный нрав героя. Кроме того, неоднократное упоминание о матери-турчанке понадобилось Полторацкому, очевидно, для того, чтобы подтвердить функциональность биологической теории о генетической эффективности слияния представителей отдаленных наций (гений Пушкина также объясняют частично тем, что его предок принадлежал к негроидной расе).

Уравновешенный, деликатный Василий Андреевич не разделял радикальных идей декабристов, его ужасали крамольные разговоры о несправедливом общественном порядке царской России, которыми так увлекались Пушкин и его единомышленники. Еще одна черта, импонирующая в образе Жуковского, – это объективная самокритичность, способность без зависти оценить другой талант. В творческом соревновании он безоговорочно признал превосходство Пушкина:

Побежденный учитель следил за Пушкиным, учеником своим, со счастливым испугом курицы, которая высидела лебедя (с. 87).

Менее выразителен образ баснописца Ивана Крылова, „действующий" в нескольких эпизодах (выражение условное, ибо персонаж статический). Перед нами – „толстый дед", любитель поесть, в его глазах играет „веселый, оживленный и хитрый огонек" (с. 87). Он запоминается острыми шутками, донимающими жену Пушкина, жеманную аристократку. Едва очерченным пред-

ставляется образ Виссариона Белинского, начинающего критика, ко мнению которого начинали прислушиваться, в том числе и молодой Гоголь.

В кругу культурно-художественной элиты А. Полторацкий выделяет и земляков Гоголя, прежде всего, Михаила Максимовича – профессора Московского университета (позже первого ректора Киевского университета). Однако этот персонаж показан, так сказать, в „эмбриональном" состоянии, сквозь призму воспоминаний Николая Васильевича. Автор *Тараса Бульбы* вспоминает, как познакомился с Максимовичем в „первопрестольной", как соединила их любовь к Украине, ее фольклору, героическому казацкому прошлому. Конечно, эту страницу взаимоотношений двух выдающихся личностей следовало выписать подробнее, ведь известно, что между ними были приятельские взаимоотношения, что Гоголь бывал в усадьбе Максимовича в Прохоровке. Именно здесь, на склонах Днепра, среди вековечных сосен, он мечтал, заглядываясь на глубоководную реку и обессмертив ее в строках („Чуден Днепр при тихой погоде...").

Хотя художественная среда Петербурга представлена преимущественно сильной половиной человечества, однако встречались здесь и представители прекрасного пола – Александра Россет, имеющая статус „близкого друга" многих тогдашних писателей. Александра Осиповна выделялась независимым поведением, смелостью суждений, оптимизмом, хорошей осведомленностью с литературным процессом, за что в нее влюблялось немало писателей, начиная с Жуковского. Уже с первой встречи Россет импонирует Гоголю как землячка, женщина с поэтической натурой, влюбленная в Украину, ее язык, природу, обычаи. Впоследствии она станет единомышленником Гоголя, проницательным критиком его произведений. Все-таки в повести *В Петербурге* образ Доньи Соль (так назвал Россет князь Петр Вяземский) едва вырисовывается, поэтому находит последующее развитие в повести *Дальние странствия*.

Во второй части анализируемой повести целый раздел посвящен отношениям Гоголя и Михаила Щепкина – известного на всю империю актера, бывшего крепостного. Основу этого раздела составляет диалог Гоголя и Щепкина об искусстве, правде как эстетическом идеале. Словесная партия Михаила Семеновича объемнее, чем Гоголя, и в ней сделаны соответствующие идеологические акценты. Щепкин более всего ненавидит рабство (для мотивации этого положения автор конструирует ретроспективный драматический рассказ о крепостном прошлом актера). С другой стороны, устами Щепкина он проповедует идею дружбы украинского и российского народов, активно культивируемую в общественном сознании советского периода. Очевидно, эти и некоторые другие художественные ходы послужили основанием для утверждения критиков, что повести Полторацкого о Гоголе „написаны в духе официальной трактовки украинско-российской дружбы"[3].

[3] *Енциклопедія Українознавства*, указ. соч., с. 2213.

Щепкин стал старшим наставником Гоголя-драматурга, призванного разоблачать все недостатки царско-бюрократической России, хотя его сентенции отличаются некой плакатностью, декларативностью, создаваемыми нагромождением повелительных конструкций:

Пусть зазвенит в ваших книжках песня угнетаемого народа... Пусть будет так.... Покажите звериную морду чиновничества... Покажите помещика... Пусть злоба и печаль водят пером вашим (с. 154).

Наиболее полно выписаны отношения Гоголя с Александром Пушкиным, о котором говорится с надлежащим пиететом. „Виртуальное знакомство" Гоголя с гениальным поэтом приходится еще на гимназические годы, когда Микоша под воздействием преподавателя Николая Белоусова увлекся его „свободолюбивыми стихотворениями". Вскоре после приезда в Петербург прежний гимназист, а теперь чиновник самого низкого – четырнадцатого – разряда, делает попытку (сначала неудачно!) лично познакомиться с Пушкиным. Эта сцена не лишена комизма. Гоголь, преисполненный честолюбивых желаний от изданного только что *Ганца Кюхельгартена*, пришел на квартиру Александра Сергеевича. Но слуга сообщил, что тот отдыхает. Гоголь сделал предположение, что поэт всю ночь неутомимо работал. Но из уст слуги неожиданно услышал упрек: „Конечно, работал! В карты играл!" (с. 16). Эта ироничная реплика, на наш взгляд, очень важна для понимания сути образа гениального российского поэта, ибо снимает с него небесный ореол, наделяя, как и обычного человека, маленькими слабостями. Однако они не только не приуменьшают величия гения Пушкина, а, напротив, „очеловечивают" образ, делают его „земным". Этой цели послужило бы и подробное изображение личной жизни Пушкина, но прозаик ограничился несколькими неприметными, маловыразительными эпизодами из семейных отношений поэта или авторскими замечаниями, что „первая романтическая красавица" России Наталья Николаевна (кстати, правнучка украинского гетмана Петра Дорошенко), жеманная светская дама, была отнюдь не той избранницей, которую заслуживал „первый романтический поэт России". Писатель, прибегая к средствам антиципации, используя мистические детали, спрогнозировал трагический конец брака: Александр Сергеевич упустил венчальный перстень, крест и евангелие упали на пол, у жениха погасла свеча, и цыганка нагадала поэту несчастье от семейной жизни (смерть из-за ревности).

По версии Полторацкого, для Гоголя дружба с Пушкиным стала необходимостью, жизненной потребностью. Пушкин был не только наставником, побратимом Гоголя, но и соавтором его произведений – подсказал название и сюжет комедии *Ревизор* (по некоторым сведениям, и сюжет *Мертвых душ*[4]).

---

[4] Г. А д ы г е з а л о в, *„Мир мертвецов" Н.В. Гоголя и Дж. Мамедкулузаде (по материалам „Литературного Азербайджана")*, [в:] *Материалы III Международной на-*

В ряде эпизодов повести функционирует образ антипода Гоголя – Нестора Кукольника. Соперники еще с гимназических лет, они исповедовали противоположные этические и эстетические принципы. Ради корыстных целей, Несторова муза в высоком стиле воспевала непоколебимость основ самодержавия, а Гоголь, подвергаясь опасности, сатирически клеймил уродливый крепостной строй, ненавистную ему „гадкую Русь". Непримиримая оппозиционность моральных основ, исповедуемых обоими персонажами, подчеркнута авторским выводом:

Как вода и пламя несоединимы между собой, так не могли сосуществовать Несторова трагедия и комедия Гоголя (с. 166).

Корыстность придворного „писаки" подчеркивают широкие сравнения („В это мгновение он [Кукольник – Л. Р.] больше всего напоминает барышника, что беспокоится о партии товара, который надеется выгодно продать…" [с. 163]), метафоры („Невыразимо гадко, когда представил себе Нестора, этого находчивого и солидного ловца чинов, счастья и орденов" [с. 169]). Правда, в последнее время появляются утверждения, что отношения Гоголя и Кукольника в романе описаны тенденциозно и не отвечают действительности: Кукольник при жизни не получил ни одной награды.

В свете новых исторических и литературоведческих фактов кажется шаблонным и образ Фаддея Булгарина. На момент написания повести имя Булгарина ассоциировалось с литературной бездарностью, аморальностью, фискальством. Созданию такого штампа способствовали непривлекательные моменты биографии Булгарина: его неприязнь к Пушкину и Гоголю, сотрудничество с III Отделением Императорской канцелярии. Пушкин назвал Фаддея „фиглярoм" (шутом), „Видоком", намекая на его услуги графу Бенкендорфу („Видок" – имя парижского полицейского), писал на него эпиграммы. Следовательно, сложилась оппозиция: Пушкин – как „солнце русской поэзии", „наше все", и Булгарин – „ночь русской поэзии", „наше ничего"[5].

Эту же схему использует Полторацкий. Насколько пиетета, когда речь идет о Пушкине, настолько пренебрежения и сатиры в нагромождении сокрушительных характеристик Булгарина. Фаддей – „мстительный, как гадюка", „обычный агент третьего отделения, что пишет доносы на своих литературных врагов" (с. 97); „подлая посредственность", которая „ненавидит гения" (с. 100); „клятый Видок Фиглярин", „бездарный журналист и шпион", оценивающий литературное произведение в зависимости от суммы ассигнаций, положенных между страницами рецензированной книги (вероятно, Полторац-

учной конференции „Сравнительное литературоведение: стереотипы в литературах и культурах", Баку 2008, с. 10.

[5] А. Рейтблат, *Видок Фиглярин (история одной литературной репутации)*, „Вопросы литературы" 1990, № 3, с. 73.

кий имел в виду факт передачи взятки, которую дала Булгарину бабушка Лермонтова за одобрительную рецензию на роман *Герой нашего времени*[6].

Он (Булгарин – Л. Р.) перегрыз бы горло и своему соотечественнику Мицкевичу, когда бы знал, что можно на этом заработать (с. 98).

Булгарин и Греч – „собаки-ищейки", „убийцы". Отвратительной сущности вполне соответствует неприглядная внешность:

Булгарин писал дальше, прищурив глаза, повторяя вслух слова своей статьи, в которой намеревался смешать с грязью друга Пушкина (то есть Гоголя – Л. Р.). Нижняя губа его скептически высунулась вперед. Все его жирное и толстое лицо с большим носом, пучеглазыми глазами, с зачесанными на висках белокурыми волосами проявляло крайний интерес... (с. 190).

Для создания сатирического образа „продажного писаки" писатель использует интертекстуальные вставки: с выразительным подтекстом высказывания Пушкина („В Булгарина можно вступить" [с. 188]), его эпиграммы:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, –
И здесь не вижу я стыда;
Будь жид – и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин (с. 188).

В целом, интертекстуальное поле романа достаточно широкое: строки из украинских народных песен, цитаты из произведений Гоголя, Пушкина, Жуковского, Кукольника и др., что могло бы стать предметом специального исследования.

Как нам кажется, между Булгариным-антигероем и его биографическим оригиналом существует поразительное отличие. Реальный прототип – далеко не однозначная фигура. Булгарин был не просто „шпионом от литературы", бездарным писакой, а действительно „выдающимся редактором и талантливым писателем"[7].

Современники Булгарина высоко ценили его талант как издателя, романиста и публициста. Рилеев посвятил ему три думы, поэтические послания к Булгарину печатали Ф. Глинка, Гнедич, Баратынский. А. Мицкевич называл Булгарина „любимым", а себя – его „истинным другом"[8]. Даже многолетний литературный противник Булгарина – Белинский – констатировал заслуженный необычайный успех *Ивана Выжигина*, а рецензируя *Воспоминания*, приз-

[6] Там же, с. 75.

[7] Там же, с. 77.

[8] P. C h m i e l o w s k i, *Adam Mickiewicz*, t. 2, Warszawa 1898, c. 471–472.

навал, что в них „много любопытного и интересного, рассказанного местами живо и увлекательно"[9]. Произведения Булгарина печатались в разных антологиях и хрестоматиях, входили в учебники, его книги издавались на многих европейских языках: польском, немецком, английском, французском. Но в том и заключается трагедия Булгарина, что после такой безумной популярности наступило полное забвение. Правда, во второй половине XX века личность писателя заинтересовала русистов США[10]. В 1978 году в Польше вышла монография З. Мейшутович[11].

В современных условиях пытаются пересмотреть стереотипы оценок творчества Булгарина и российские ученые Н. Акимова[12], И. Золотусский[13], А. Рейтблат[14], А. Янов[15], которые стараются снять с Булгарина клеймо негодяя и пасквилянта[16].

Как видим, в повести А. Полторацкого Н. Гоголь представлен во многочисленных связях с известными литераторами, издателями, критиками, актерами, что дает возможность составить целостное представление о культурном контексте того времени. Однако на моделирование образов некоторых культурных деятелей повлияли существующие до недавнего времени стереотипы, переосмысление которых было еще впереди. Кроме того, повесть *В Петербурге* отличается иногда нетщательным языковым оформлением, маловырази-

---

[9] В. Белинский, *Полное собрание сочинений*, т. 10, Москва 1956, с. 86.

[10] G. Alkire, *Historical Novels of Faddej Bulgarin, unpublished dissertation*, Berkeley 1966; V.N. Faddej, *V. Bulgarin. His Contribution to Nineteenth Century Russian Proze, unpublished dissertation*, Harvard 1966; F. Mocha, *Tadeusz Bulgarin* (*Faddej V. Bulgarin*) *1789–1859. A study in literary maneuver*, Rzym 1974.

[11] Z. Mejszutowicz, *Powieść obyczajowa Tadeusza Bulgaryna*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1978.

[12] Н.В. Акимова, *Ф. Булгарин в литературном контексте первой половины XIX века*. Дис. …д-ра филол. наук, Санкт-Петербург 2003; Н. Акимова, *Булгарин и Гоголь* (*литературная биография и литературная репутация*), „Русская литература" 1996, № 3, с. 3–18.

[13] И. Золотусский, *Неистовый Фиглярин*, „Новый мир" 1996, № 2, с. 194–204.

[14] А. Рейтблат, указ. соч.

[15] А. Янов, *Загадка Фаддея Булгарина*, „Вопросы литературы" 1991, № 9–10, с. 98–125.

[16] Скромные попытки воздать должное Булгарину-писателю сделала и автор этих строк. См.: Л. Ромащенко, *История Украины и ее герои в интерпретации русско-польского писателя Ф. Булгарина* (*на материале романа „Мазепа"*), [в:] *Elm və Sənɪyyət*, Baki 2005, № 2, с. 97–103; *Роман „Мазепа" Тадеуша Булгаріна як один із перших зразків російського історичного роману*, „Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze" 2006, с. 21–22; *Художественные варианты образа украинского гетмана Ивана Мазепы в польской литературе*, [в:] *Материалы III Международной научной конференции*, указ. соч., с. 97–101 и др.

тельной образностью, суховатым стилем изложения. И все же, как нам кажется, по объему изображаемого материала, проникновению в духовную ауру Гоголевской эпохи она не уступает другим повестям о Гоголе, принадлежащим перу украинских писателей, а по некоторым параметрам даже превосходит их.